
ОБРАЗ МИРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАНТИАНСТВА И МЕТАФИЗИКИ

В.Д. Захаров

Всероссийский институт научной и технической информации

Показано, что невозможно формулировать образ мира, создаваемый нашими чувственными созерцаниями, в рамках метафизики геометрических пространств. Это оказывается возможным только в рамках априоризма И. Канта.

Ключевые слова: образ мира, разум, кантианский синтез, пространство, миропонимание, бытие, математика, метафизика.

Чтобы ориентироваться в мире, в котором мы существуем, надо выяснить вопрос: а что такое этот «мир» и что такое «мы» со своим сознанием, его воспринимающим? Этот вопрос сейчас формулируется как *образ мира*, создаваемый нашим сознанием. Несомненно, это один из важнейших вопросов методологии фундаментальной физики.

Если «мир» – это есть «совокупность всего возможного опыта», как предположил вначале И. Кант, то уже сам Кант показал бессмысленность такого определения. Так понимаемый «мир» никогда не может быть завершён в нашем представлении. Это выражено первой антиномией Канта, согласно которой мир подобен понятию «четвероугольная окружность», про которую одинаково можно сказать, что она кругла и что она не кругла. Точно так про такой «мир» одинаково можно говорить, что он конечен и что он бесконечен.

Что такое наш «опыт»? Он не контролируется нашим рассудком, так что в нём может нам явиться всё что угодно, хоть чёрт с рогами. Не какие-то тёмные обскуранты, а просвещённые европейцы эпохи Возрождения оставили нам воспоминания о своих встречах с нечистой силой. Вспомним, например, как Мартин Лютер запустил чернильницей в явившегося ему чёрта. Как же ориентироваться в этом безумном мире чертовщины? Как сформировать в нём разумный образ мира? Обратимся за ответом к нашему разуму.

Каковы возможности нашего разума в формировании образа мира? До Канта новоевропейские философы были убеждены, что наш разум познаёт вещи как таковые (Спиноза: «порядок идей тождественен порядку вещей»). Кант разоблачил такое представление, открыв то, что впоследствии получит название «пифагорейский синдром». «Синдром» разума Кант увидел в том, что разум без всякого основания отождествляет собственный продукт («идеи») и объективное бытие – «вещи», существующие, как предполагалось, вне нас. *Разум не может доказать существование вещей вне нас* – это значит, что существование «внешнего мира» можно принимать лишь на

веру. В этом состоял вызванный Кантом известный «философский скандал» [1].

После такого скандала сама познаваемость мира оказалась под вопросом. Как высказался П. Флоренский: «Миропонимание – это есть пространствопонимание» [2]. Если порядку идей в действительности не соответствует какой-либо порядок вещей, то нет никакого пространства, которое можно было бы рассматривать как вместилище вещей. Если же нет пространствопонимания, то нет и миропонимания – нет того самого, что мы называем образом мира.

Кант показал, что разум не может познать бытие, то есть организовать упорядоченность «субстанций». Следовало ли из этого, что он не может упорядочить наш «опыт» – то, что нам дано в чувственных созерцаниях? Если бы нам это удалось, мы восстановили бы наш образ мира – ведь он даётся именно нашим чувством. Кант находит возможность разделить разум на две составляющие. Всё, что измышляет разум вне созерцаний, он назвал чистыми («трансцендентальными») идеями, а область применения разума к созерцаниям назвал рассудком (*Verstand* в противоположность *Vernunft* – чистым идеям). Отделив рассудок (*Verstand*) от метафизики (*Vernunft*), Кант создал новое понимание математики, полностью отделив математику от метафизики, положив в основу познания то, что он назвал априорными синтетическими суждениями. Эти суждения относятся только к области чувственных созерцаний – единственной, в которой нам даются предметы. Математика, по Канту, есть конструирование объектов в чувственных созерцаниях.

Нельзя сказать, что Кант отрицал саму возможность отвлечённой метафизики, то есть способность чистого разума мыслить вне области чувственных созерцаний. Он допускает ноумены, предметы метафизики, полагая только, что они целиком лежат вне нашей познавательной способности. Категории рассудка (по Канту) не распространяются на область ноуменов, которые чистый разум хотя и может мыслить, однако не может созерцать ни в каком опыте. Абсолютные идеи разума, например Вселенная в целом или Бог как абсолютное необходимое Существо, – это предметы мыслимые, а не познаваемые, требуемые «разумом», а не являемые. Поэтому, когда чистый разум принимает свои идеи за познаваемые предметы, то он неизбежно запутывается в противоречиях – «антиномиях трансцендентальных идей».

Кант не раз отмечает, что стремление к метафизическому познанию «корней вещей» является «неистребимой потребностью человеческого разума», который не удовлетворяется одним лишь знанием эмпирических фактов. Однако он имеет мужество сказать разуму: «Стоп!» Выйдя за пределы чувственных созерцаний, разум лишается своих познавательных средств. За их пределами нет ни времени, ни пространства, ни причинной связи, которые сам же разум установил как средства упорядочения нашего опыта. Сами эти средства априорны, то есть даны нам до опыта, ибо «опыт сам есть вид познания, правила которого я должен предполагать в себе ещё до того, как мне даны предметы, стало быть, а priori» [1].

Кант искал в математике основание для своего метода познания – синтетических априорных суждений. И он нашёл их замечательное обоснование в геометрии Евклида. Почему именно в ней? Можно подумать, это потому, что при жизни Канта ещё не появилось других, неевклидовых геометрий. Причина, однако, лежит глубже: евклидова геометрия – единственная наглядная, «воззрительная» геометрия. Она адекватна опыту наших чувственных созерцаний. Только в ней возможно миропознание, ибо только в ней аксиомы геометрии диктуются нам с необходимостью – как синтетические принципы а priori.

Задачу научной методологии Кант видит в том, чтобы уберечь «чистое естествознание» от проникновения в него ноуменов. Он как будто предвидел роковое последствие проникновения метафизики в физику, которое приведёт к неизбежной утрате картины мира и его познаваемости. Вскоре это и произошло в связи с появлением неевклидовых геометрий, а с ними и новых, неевклидовых пространств.

Анри Пуанкаре разъяснил нам, что аксиомы неевклидовых геометрий не могут быть синтетическими принципами а priori, потому что эти принципы навязывают нам только одну геометрию – евклидову. Неевклидовы пространства он назвал *геометрическими*, противопоставив им пространство «физическое» – пространство опыта наших чувственных созерцаний. В геометрическом пространстве, согласно Пуанкаре, невозможно миропознание, потому что в нём «невозможно представить себе внешние тела» [3], и даже бессмысленно утверждать, что геометрические объекты суть абстракции от каких-либо вещей чувственно данного мира. От вещей какого «реального мира» абстрагированы, например, образы геометрии Лобачевского, если, по словам самих геометров, в пространстве Лобачевского невозможно представить себе обычное поступательное движение твёрдых тел? По словам П.К. Рашевского [4], многие из теорем геометрии Лобачевского представляются нам с *наглядной точки зрения* неправильными, а некоторые – просто чудовищными.

С геометрическими пространствами в физику вошла метафизика, и это неизбежно должно было привести к утрате образа мира. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим современную геометрическую парадигму в физике, наиболее ярким выражением которой является геометризованная теория тяготения – общая теория относительности (ОТО). В ней пространство и время не существуют как самостоятельные сущности: они объединены в единое метафизическое 4-мерное пространство-время. Утрата же пространства (вспомним П. Флоренского) приводит к утрате миропонимания.

Сравним классическую (ньютоновскую) и эйнштейновскую картины мира. В отличие от ОТО, у Ньютона есть пространство как самостоятельная сущность – это его абсолютное пространство. Это значит, что у Ньютона есть возможность сохранения образа мира. И это действительно так. С ньютоновым абсолютным пространством можно связать единственную, привилегированную, абсолютно неподвижную систему отсчёта. В этой единой для всего мира системе отсчёта Вселенная имеет единый облик для всех мысли-

мых наблюдателей (пусть формализованный, механистический, но для всех единый). Ибо наблюдатели, произвольно движущиеся относительно этой неподвижной системы отсчёта, могут мысленно соотнести себя с этой привилегированной системой отсчёта и согласовать свои наблюдения с тем единым *образом мира*, который отвечает этой единой, абсолютной системе отсчёта.

Иное дело в ОТО, в которой нет привилегированной системы отсчёта, где все системы отсчёта равноправны, и в каждой из них наблюдатель может считать себя неподвижным. Тогда для наблюдателя, находящегося в другой системе отсчёта, неподвижное придёт в движение, подвижное станет неподвижным – конкретный образ мира станет иным – совершенно иным. Это значит, что единого образа мира не существует. Избрав образ мира одного из наблюдателей, можно рассматривать его как реального физика, воспринимающего реальную Вселенную. Остальные же физики, воспринимающие Вселенную из других систем отсчёта, станут тогда виртуальными, поскольку их образ мира станет тоже виртуальным.

Наконец, последнее. Метафизика всегда претендует на постижение последней, окончательной истины. В науке, как мы знаем, происходят «научные революции», приводящие к полному изменению критерия истинности теории. Если предположить, что в основе познания мира лежит метафизика, то каждая научная революция означает смену одной метафизики на другую. Где здесь единая метафизическая истина? Она становится невозможной. Поэтому русский философ Л. Шестов заключает: «Последняя, подлинно достоверная истина, на которой рано или поздно согласятся люди, заключается в том, что в метафизической области нет достоверных истин» [5]. В какой же области следует искать истинность? Поневоле приходится признать, вслед за Л. Шестовым, что «истинность» применима лишь к тем утверждениям, которые древние греки называли «мнениями», а это и есть то, что мы воспринимаем в чувственных созерцаниях. Это есть то, к чему призывал И. Кант.

Вот почему следует воскресить старый философский лозунг «Назад к Канту!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1964.
2. Флоренский П.А. Значение пространственности // Флоренский П.А. История и философия искусства. – М.: Мысль; 2000.
3. Пуанкаре А. Наука и гипотеза // Пуанкаре А. О науке. – М.: Наука, 1983.
4. Рашевский П.К. Вступительная статья // Гильберт Д. Основания геометрии. – М.-Л.: Гостехиздат, 1948.
5. Шестов Л. Potestas Clavium (Власть Ключей) // Соч.: в 2 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1993.

THE IMAGE OF THE WORLD FROM THE POINT OF VIEW OF KANTIANISM AND METAPHYSICS

V.D. Zakharov

It is shown in this article that it is impossible to formulate the world image, which is created with our sensual contemplations, in the framework of geometric spaces metaphysics. It is possible only in the framework of Kant's apriorism.

Key words: world image, mind, Kant's synthesis, space, world outlook, mathematics, metaphysics.